

БИОГРАФИЯ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ / THE PHENOMENON OF BIOGRAPHY IN CULTURE

Олег Борисович БОЖКОВ / Oleg BOZHKOV | Светлана Николаевна ИГНАТОВА / Svetlana IGNATOVA
 | **О динамике семейного статуса в России в XIX – XXI вв. (по материалам Биографического фонда СИ РАН) / On the Dynamics of the Family Status in Russia in the XIX – XXI centuries (based on the data of Biographical Collection of the Sociological Institute of FCTAS RAS) |**

Олег Борисович БОЖКОВ / Oleg BOZHKOV

*Федеральный Научно-исследовательский социологический Центра РАН (СИ РАН – СПб филиал), Санкт-Петербург, Россия
 Старший научный сотрудник, руководитель научно-исследовательского центра «Биографический фонд»*

*The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
 (SI RAS – FCTAS RAS), Saint-Petersburg, Russia
 Senior Researcher
 olegbozh@gmail.com*

Светлана Николаевна ИГНАТОВА / Svetlana IGNATOVA (09.07.1967 – 03.11.2017)

Научный сотрудник СИ РАН – СПб филиал

*The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
 (SI RAS – FCTAS RAS), Saint-Petersburg, Russia
 Researcher*

**О ДИНАМИКЕ СЕМЕЙНОГО СТАТУСА В РОССИИ В XIX – XXI ВВ.
 (ПО МАТЕРИАЛАМ БИОГРАФИЧЕСКОГО ФОНДА СИ РАН)**

В статье рассматриваются механизмы изменения семейного статуса на фоне кардинальных преобразований в социальной структуре советского и постсоветского общества на материале автобиографических текстов и биографических интервью. Обращается внимание на динамику самих социальных статусов под влиянием социальной и образовательной политики государства.

Эмпирическим материалом для статьи явились тексты, вошедшие в состав Биографического фонда Социологического института ФНИСЦ РАН.

Ключевые слова: семейный статус, профессиональный статус, трансформации социальных статусов, самоидентификация, социальная структура.

ON THE DYNAMICS OF THE FAMILY STATUS IN RUSSIA IN THE XIX – XXI CENTURIES (BASED ON THE DATA OF BIOGRAPHICAL COLLECTION OF THE SOCIOLOGICAL INSTITUTE OF FCTAS RAS)

The article deals with the mechanisms of family status change on the background of cardinal social structure transformation in Soviet and post-Soviet society based on autobiographical texts and biographical interviews. Attention is drawn to the influence of the state's social and educational policies on the dynamics of the social status.

The empirical data is biographical texts of the Biographical Collection of the Sociological Institute of FCTAS RAS.

Key words: family status, professional status, transformation of social statuses, self-identification, social structure.

Интерес к проблеме социального статуса семьи у нас возник в связи с погружением в изучение вопросов социально-культурных трансформаций. Не просто было найти

такие объекты социологического анализа, которые адекватно отражали бы механизмы таких трансформаций. В конце концов, мы остановились на

БИОГРАФИЯ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ / THE PHENOMENON OF BIOGRAPHY IN CULTURE

Олег Борисович БОЖКОВ / Oleg BOZHKOV | Светлана Николаевна ИГНАТОВА / Svetlana IGNATOVA
| **О динамике семейного статуса в России в XIX – XXI вв. (по материалам Биографического фонда СИ РАН) / On the Dynamics of the Family Status in Russia in the XIX – XXI centuries (based on the data of Biographical Collection of the Sociological Institute of FCTAS RAS) |**

генеалогических деревьях и автобиографиях обычных (не выдающихся) людей.

Трансформации семейного статуса оказались в теснейшей связи с кардинальными изменениями, происходящими в социальной структуре общества, с процессами, касающимися изменений в самой семье, а также с процессами самоидентификации людей, и, в более широком плане, с трансформациями культуры советского общества.

Автобиографии являются важным источником при изучении тенденции изменений в социальной жизни людей конкретной эпохи, в частности, движений социального статуса индивида и его семьи. Статус, как правило, привязывается к индивиду и означает его положение в социальной структуре общества. Критериями, по которым этот статус определяется, становятся доминирующая социальная роль индивида (или социальный престиж профессии и/или должности) и уровень дохода. Социально-профессиональный статус рассматривается как место профессиональной группы в профессиональной структуре общества, определяет оценку и самооценку роли группы в системе профессиональных отношений. Социально-профессиональные статусы в обществе могут трансформироваться под влиянием изменений в экономике и общественно-политической жизни общества. Собственно вся история СССР является подтверждением данного тезиса.

Система социальных статусов – и есть социальная структура общества. В дореволюционной России социальная структура была по преимуществу сословной и социальный статус главы семьи, как правило, распространялся на всех домочадцев. Впрочем, и в те времена была справедлива пословица: «В семье не без урода». Классический пример такого «урода» – Федор Протасов из «Живого трупa». Однако уже с середины XIX века эта структура начала перемешиваться, в частности, появились разночинцы. И социальный статус стал приписываться каждому индивиду.

Тем не менее, представляется, что и сегодня в исследованиях социальной структуры общества важно учитывать «социальный статус семьи», который чаще всего определяется по более высокому статусу одного из супругов. Детей любой супружеской пары изначально приписывают именно этому родительскому статусу. Задача нашего исследования состоит в том, чтобы по материалам автобиографий понять, как происходит динамика изменения семейного статуса каждого следующего поколения.

Одна из важных методологических проблем такого исследования состоит в том, что сами статусы обладают собственной динамикой. Уже в XIX веке преемственность родительских статусов оказалась под большим вопросом. Многие дети, выходя из-под родительского крова, свой социальный статус строили самостоятельно. Советский и постсоветский периоды обнаруживают тенденцию к резким разрывам или зигзагам семейного статуса, когда человек, определяющий семейный статус, резко меняет социальные роли. Такие «изломанные» социальные траектории семей разрушают сложившуюся социальную структуру общества. Например, если в XIX инженер, учитель, врач и даже фельдшер уже в силу своего образования и должности обладал весьма высоким социальным статусом, то в 70-80-е годы XX века в силу предельно высокой массовости этих профессий их статус резко снизился – оказался «девальвированным». Даже если отвлечься от дореволюционных сословных представлений о структуре российского общества, любой «начальник» на рубеже XIX – XX веков (вне зависимости от его принадлежности к классу аристократов) обладал достаточно высоким социальным статусом. Да и в наступившем XXI веке начальническая должность любого уровня остается значимой и повышает статус не только индивида, но и его семьи.

На излете советской власти общественный статус продавца в магазине, таксиста, официанта стал значительно выше статуса ученого. Блат и

БИОГРАФИЯ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ / THE PHENOMENON OF BIOGRAPHY IN CULTURE

Олег Борисович БОЖКОВ / Oleg BOZHKOV | Светлана Николаевна ИГНАТОВА / Svetlana IGNATOVA
| О динамике семейного статуса в России в XIX – XXI вв. (по материалам Биографического фонда СИ РАН) / On the Dynamics of the Family Status in Russia in the XIX – XXI centuries (based on the data of Biographical Collection of the Sociological Institute of FCTAS RAS) |

связи, возможности реализовать дефицитную услугу возносили одни профессии выше других, и полностью переформатировали статусную основу официальной профессиональной структуры общества. В социологическом аспекте престиж становится сравнительной оценкой обществом или группой социальной значимости той или иной профессии или деятельности; он становится практическим эквивалентом репутации и интерпретируется как уважение статуса, сложившегося в обществе.

Роль биографических материалов в анализе динамики социальных статусов бесценна. Важным источником являются семейные генеалогии. Есть еще один значимый источник – родовые записи. В большинстве своем они присутствуют в дворянских семьях. Отсутствие должного уровня образования, а также постоянная занятость тяжелым сельскохозяйственным трудом затрудняла ведение таких записей в крестьянских семьях. «Однако память о предках всегда сохранялась в этих семьях и передавалась младшим поколениям в качестве примера и назидания». О. А. Смирнова приводит пример крестьянской родословной семьи Пашениных, составленной уже в советское время представителем рода¹. Удивительно, что в семье сохранилась фактология о предках начала – середины XIX века. Первоначальные записи о роде относятся к тому времени. А. М. Пашенин в послесловии к родословной отмечал, что в каждой крепкой крестьянской семье «существовала Родовая Память, которая изустно передавалась из поколения в поколение»². Родословная здесь становится колоссальным источником самой разнообразной информации: о ми-

грационных процессах; о социальных лифтах, динамике социальных статусов и т.д.

Любая автобиография, написанная самостоятельно, или в рамках тематического конкурса содержит важнейшие сведения о социальном происхождении информанта, изменениях в социальных статусах его семьи. Например, автобиографический конкурс «Моя жилищная история» показал удивительную связь биографии индивида и биографии его жилья. «Жилье являлось одним из основных социальных институтов, выполнявших функции социального и политического контроля, формирования социальной стратификации и конструирования идентичности советского гражданина»³. Жилье и до революции и в советское время являлось одним из основных признаков статуса индивида, его качество наглядно свидетельствовало о престиже и экономической значимости профессии, рода занятия, а также важности индивида для государства в СССР, будь то квартира, отдельная комната, угол, барак, личная дача и т.д.

Вернемся к трансформациям семейных и индивидуальных статусов под воздействием макросредовых, микросредовых и личностных процессов. Приведем пример разнонаправленной динамики семейного социального статуса на истории одного семейного клана. Поколение «дедов» на рубеже XIX – XX имело достаточно высокий социальный статус. Дед был начальником почты, бабушка учителем музыки. Оба они родились в середине 1870-х гг. Двое их сыновей (по разным причинам) принципиально разошлись: один получил высшее образование и стал инженером в сфере престижной отрасли промышленности (радиоэлектроника); другой, не получив никакого специального образования, стал шофером и механиком. Первая жена первого сына была таким же, как и он сам, инженером. Вторая его жена – домохозяйка.

³ Герасимова Е.Ю. Жилье в советском городе: историко-социологическое исследование (Ленинград, 1918–1991). URL: <http://textarchive.ru/c-1528651-pall.html> (дата обращения: 17.04.2017)

¹ Смирнова О. А. Родовая память как основа родословных и семейных родовых хроник/История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики/ Материалы международной научной конференции / Под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцевой. М.: Аквилон, 2016. С. 361.

² Пашенин М.Г. Хроника жизни крестьянского рода Пашениных: в 3 т. М., 1997, Т.2. С. 142.

БИОГРАФИЯ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ / THE PHENOMENON OF BIOGRAPHY IN CULTURE

Олег Борисович БОЖКОВ / Oleg BOZHKOV | Светлана Николаевна ИГНАТОВА / Svetlana IGNATOVA
| **О динамике семейного статуса в России в XIX – XXI вв. (по материалам Биографического фонда СИ РАН) / On the Dynamics of the Family Status in Russia in the XIX – XXI centuries (based on the data of Biographical Collection of the Sociological Institute of FCTAS RAS) |**

Жена второго сына была служащей без специального образования, затем рабочей, затем опять служащей. Заметим, что второй сын (по разным причинам) оказался на более низкой ступени социальной иерархии, т.е. его семейный статус потерял «в весе» по сравнению с родительским. Единственный внук начальника почты, получив высшее образование, стал ученым (научным сотрудником академического института). В то время (конец 1960-х), когда он приобрел этот статус, сам по себе статус сотрудника академического института был достаточно высок. И, хотя сегодня он упал ниже «уровня плитуса», можно считать, что социальный статус внука заметно выше социального статуса его родителей. Правнук начальника почты, окончив всего-навсего 11 классов средней школы, женившись на преподавателе вуза кандидате наук, стал генеральным директором и владельцем издательства, преподавателем вуза. А затем, эмигрировав в другую страну, стал рабочим на заводе (такова бывает доля эмигрантов) и тем самым, снова резко снизил свой социальный статус. Добавим, что при этом он обрел более ценное – душевное и нравственное спокойствие.

Этот кейс можно резюмировать так: траектория социального статуса этого семейного клана достигала некоторых высот (прадед и дед), два подъема (внук и правнук) и два резких спада (один из детей и правнук). Понятно, что это лишь пример для лучшего понимания того, что мы называем динамикой семейного статуса. Заметим, что в этом примере значимы, прежде всего, социальные роли, определяющие этот статус: доходы имеют здесь лишь относительное значение. Такие «изломанные» статусные траектории с одной стороны, разрушают социальную структуру общества и лишают само общество определенной стабильности, а с другой стороны, являются естественным общественным явлением.

Можно привести пример нестабильной статусной траектории индивида уже в постсоветское время, где материальный фактор играл ведущую

роль в резких амплитудах смены трудовой деятельности, при существенном влиянии мотивов, связанных с семейными проблемами и разделением семейных ролей.

Информант начал свой трудовой путь еще в советское время, окончил Педагогический институт по специальности учитель физики. Карьера учителя развивалась вполне успешно (жена тоже учитель, преподаватель английского языка), единственную трудность составлял жилищный вопрос. Были испробованы разные варианты, в том числе переезд информанта в Ленинградскую область – в СССР молодым специалистам по закону полагалось отдельное жилье, – но квартиру они так и не получили. В результате информант вынужден был уволиться из школы. И оказался на должности водителя и механика гаража районного отделения связи, а по факту руководителем гаража, где ему предложили служебное жилье, и вопрос о возвращении в школу был снят с повестки дня. В начале 90-х почтовое отделение закрылось, и информант нашел работу на крупном пищевом комбинате руководителем диспетчерской службы в автохозяйстве, а фактически опять руководителем гаража комбината. Через некоторое время комбинат стал сокращать транспортное хозяйство и информант опять потерял работу. В Петербурге открывался филиал московской экспресс почты, и информант прошел на должность начальника отдела доставки и управляющего гаражом. Через несколько лет экспресс почта прекратила свою деятельность. Информант смог найти работу только водителя. Однако поиск работы, соответствующей высокому уровню квалификации и опыта информанта продолжалась, на всевозможных ресурсах постоянно просматривались возникающие вакансии. В начале 2000-х годов в Петербурге открывается следующий филиал экспресс почты, информант проходит туда на должность начальника производственного отдела. Через десять лет фирма была поглощена другой московской экспресс почтой, новый управляющий привел своей персонал на руководящие должности,

Олег Борисович БОЖКОВ / Oleg BOZHKOV | Светлана Николаевна ИГНАТОВА / Svetlana IGNATOVA
| **О динамике семейного статуса в России в XIX – XXI вв. (по материалам Биографического фонда СИ РАН) / On the Dynamics of the Family Status in Russia in the XIX – XXI centuries (based on the data of Biographical Collection of the Sociological Institute of FCTAS RAS) |**

информанту пришлось уйти. В настоящий момент он работает в фирме по строительству автомобильных дорог, где работал ранее, на должности механика автопредприятия. По его выражению эта должность уже «ниже плинтуса», работа «вынужденная прежде всего из-за зарплаты». Он продолжает искать что-то другое, но следует учитывать фактор возраста (55 лет), накопленную усталость от постоянной смены работ, хотя реализовать свои знания, навыки очень хочется, и совсем не нравится работать водителем или механиком. Информант никогда не задерживался в состоянии безработного больше одного месяца, основная цель быстрого поиска работы всегда в первую очередь была связана с материальным обеспечением семьи, «не сидеть на нуле», поэтому информант соглашался на любую работу при параллельном поиске той, которая отвечала бы его пожеланиям. Интересно как в семье муж и жена распределили роли в трудовой сфере. Жена посвятила свою жизнь педагогической карьере, когда дочь была маленькой, работала преподавателем английского языка в садике, затем в школе, затем перешла в престижный садик в том районе, где они живут, довольно близко от дома.

Если спросить «в лоб» этого информанта о том, кем он себя считает, какое место занимает в социальной структуре общества, вряд ли он даст уверенный ответ. Так как в этой резкой смене статусов его самоидентификация становится не множественной, а скорее неопределенной. Такие процессы требуют особенного внимания исследователей (особенно социологов, психологов и экономистов). Нам представляется, что это очень важно для понимания тех процессов, которые происходят в современном обществе. И не менее важно изучение факторов, которые определяют эти процессы, чему очень способствует исследования личных

документов, биографий и автобиографий, микро свидетельств эпохи.

Заключение

1. Приведенные в статье примеры, это, конечно же, отдельные случаи (case study), но они типичны. Один – для советского и отчасти постсоветского периода нашей истории; другой – скорее характеризует именно постсоветский период.

2. И отечественные, и зарубежные исследования свидетельствуют о том, что для современных (особенно развитых) обществ характерна определенная трансформация социальной структуры. Как показывают наши примеры, происходит определенное «размывание» её жесткой иерархии.

3. В современной России этот процесс, на наш взгляд, идет более интенсивно и социальная структура принимает какие-то новые неопределенные формы. Очевидно, что расслоение российского общества увеличивается и изменяются критерии «верхов» и «низов». При этом «верхи» сужаются при заметном расширении пространства «низов».

Если говорить о методологии исследования современной социальной структуры российского общества, то столь же очевидно, что традиционные (позитивистские) подходы оказываются непригодными. При стандартизированном опросе (неважно, анкета это или стандартизованное интервью) социолог невольно навязывает респондентам свой язык, который не всегда адекватно отражает реальность. В этом отношении автобиографии, биографические интервью, дневники и текущая переписка людей позволяют получить более адекватные данные, содержащие и мотивы, и описания обстоятельств, в которых люди оценивают свое статусное положение и принимают важные для себя жизненные решения.

